

А. П. НЕПОКУПНЫЙ

К СТРУКТУРЕ КРАТКИХ И РЕКОНСТРУКЦИИ ПОЛНЫХ ФОРМ ДВУХОСНОВНЫХ ИМЕН ЯТВЯГОВ

Топонимия ятвяжских земель уже не раз предоставляла материал для пополнения наших сведений о личных именах этого западнобалтийского этноса¹ — в количественном отношении основной части тех ономастических реликтов, которые в исторических источниках непосредственно связаны с ятвягами. Вместе с тем, исходной основой для реконструкции „новых“ ятвяжских имен может быть не только топонимия, но и сама антропонимия. Ниже и предлагается попытка такого поиска.

1. Burke. Историки и языковеды уже обратили внимание на то, что в актах судебных процессов начала XV в. между Литвой и Польшей, с одной стороны, и Орденом крестоносцев — с другой, а именно, в списке уведенных крестоносцами жителей Волковыска и его окрестностей (ныне Гродненская обл. БССР) упоминаются ятвяги². Так, в названном документе встречается запись: „Malday Iachwiszim... Frater Maldayow Burke“³, в которой Iachwiszim уверенно читается как *Jatwiažyn (ср. в другом случае упоминается Yatwassyn), благодаря чему известный нам ятвяжский антропонимикон пополняется, в частности формой Burke⁴.

1.1. Антропоним Burcke, дважды зафиксированный на территории Курземы под 1582—1585 гг. (Burcke, Jurgen Burcke), Э. Блесе связывал (правда, сомневаясь) с латышск. burka 'коренастый крепкий парень'⁵. Позднее эту мысль развил В. Кипарский, который, подчеркнув немецкое происхождение

¹ В частности, см. Непокупный А. П. Названия ятвяжских сел на -ища в галицкой части Ипатьевской летописи. — В кн.: Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980, с. 171—176.

² Wiśniewski J. Dzieje osadnictwa w powiecie suwalskim od XV do połowy XVII wieku. — In: Studia i materiały do dziejów Suwalszczyzny. Białystok, 1965, s. 56; Nalepa J. [Выступление в дискуссии по докладу А. Ванаса „К вопросу о ятвяжских языковых реликтах в Литве“]. — ABSI, IX (1976), s. 84—85.

³ Spory i sprawy pomiędzy polakami i zakonem krzyżackim. Poznań, 1892, t. 2, s. 161.

⁴ Nalepa J. Указ. соч., с. 85.

⁵ Blese E. Latviešu personu vārdu un uzvārdu studijas. I. Vecākie personu vārdi un uzvārdi (XIII—XVI g. s.). — Rīgā, 1929, lpp. 104.

латышского апеллятива, указал также на возможность непосредственного отражения в этом имени ср.-ниж.-нем. *bûr(e)ke от bûr 'крестьянин'⁶.

Куршско-ятвяжская антропонимическая параллель *Burcke*—*Burke* не является единственной. Ср. куршское имя *Mandvne* под 1355—1362 гг.⁷, с одной стороны, и патронимическую часть ятвяжского антропонима Монъдоуничу Шоутрови (дат. п.) в Галицко-Волынской летописи под 1227 г.⁸ — с другой. И следует подчеркнуть, что оба соответствия выступают на фоне хорошо известных совпадений между именами куршей и пруссов⁹ — обстоятельство, которое убеждает нас в не случайном, а закономерном характере приведенных куршско-ятвяжских антропонимических параллелей, в частности и *Burcke* — *Burke*.

Если возвращаться к версии В. Кипарского о немецком происхождении куршского, точнее курземского имени *Burcke*, то, очевидно, более оправданным было бы обращение не к апеллятивам, а к немецким же антропонимам. Так, еще под 1336 г. было зафиксировано имя *Burke*, которое представляет собой сокращение — только первую часть двухосновной композиты *Burkhart*¹⁰. И надо думать, что предложенное сопоставление вполне заслуживает внимания — ср. употребление формы *Burke* в сочетании с таким бесспорно немецким антропонимом, как *Jurgen* (см. выше).

Вместе с тем, хотя в принципиальном плане необходимо считаться с возможностью возникновения куршско-ятвяжской антропонимической параллели в результате независимого друг от друга заимствования обоими этносами одного и того же краткого варианта немецкого имени, все же более вероятным представляется то, что в данном случае следует видеть пример выявления унаследованной этноязыковой общности куршей и ятвягов, т. е. той самой общности, которой мы обязаны существованием уже упоминавшихся куршско-пруссских антропонимических параллелей. Обратимся к балтийским материалам.

1.2. Ятвяжск. *Burke* имеет в своем составе ту же самую антропонимическую основу *Bur-*, которая представлена и в Галицко-Волынской летописи под 1256 г. — *Боуряля*¹¹. Уже в этой топонимической параллели к форме

⁶ Kiparsky V. Die Kurenfrage (Annales Academiae Scientiarum Fennicae, B. XLII). — Helsinki, 1939, S. 269.

⁷ Там же, с. 384.

⁸ Полное собрание русских летописей. — Т. 2. Ипатьевская летопись. — М., 1962, стб. 751.

⁹ Blese E. Указ. соч., с. 150—152.

¹⁰ Brechenmacher J. K. Etymologisches Wörterbuch der Deutschen Familiennamen. 4. — Limburg a. d. Lahn, 1959, S. 251.

¹¹ Топоров В. Н. Прусский язык. Словарь. А—Д. — М., 1975, с. 264.

Burke содержится важное свидетельство в пользу ятвяжского, а не немецкого происхождения имени того, брат и сестра которого были носителями несомненно балтийских антропонимов — ср. *Malday *Jatwiazyn* и *Tala*¹².

В качестве еще одного аргумента для доказательства высказанного тезиса можно привести тот факт, что современником ятвяга Burke был и прусс *Buricke*, зарегистрированный под 1410 г.¹³

Структура прусского антропонима является весьма четкой: *Bur-icke*, где *-ik-* представляет собой распространенный в прусских именах уменьшительный суффикс. Поскольку в результате выпадения *-i-* вместо форманта *-icke* может выступать его вариант *-ke*, как напр., в антропонимах *Tulicke* и *Tulke* при изначальном *Tule*¹⁴, то в свете этого ятвяжск. *Burke* можно истолковывать как форму, которая в своем исходном моменте была идентична прусск. *Buricke*.

Таким образом, ятвяжский антропоним мог возникнуть как деминутивное образование от основы *Bur-*. И тем не менее, при всей простоте и ясности данного объяснения оно — уже в пределах собственно балтийских фактов — не является единственно возможным и элемент *-k-* в антропониме *Bur-k-e* может быть не только суффиксом.

1.3. Уже более ста лет назад на материале древнегреческой антропонимии был определен такой способ сокращения двухосновных имен, когда к первому компоненту прибавляется только анлаут второго. В современной антропонимике, в частности в работах Г. Ноймана, приводятся длинные списки консонантных анлаутов, вошедших в состав сокращенных форм древнегреческих именных композит¹⁵, и учет особенностей этого структурного преобразования является серьезным подспорьем при исследовании древней антропонимии в языках других индоевропейских народов¹⁶.

В своем уже упоминавшемся труде 1925 г. Р. Траутман сделал удачную попытку обнаружить соответствующий тип сокращения (первая основа + анлаут второй) и в балтийском именнике. Собранные им факты прусской антропонимии, — в особенности некоторые сохранившиеся пары полных и кратких форм двучленных личных названий, имеют самое непосредственное отношение к обсуждаемому здесь именному образованию. Напр., одного и того же

¹² Nalera J. Указ. соч., с. 84—85.

¹³ Trautmann R. *Die altpreußischen Personennamen*. — Göttingen—Vandenhoeck—Ruprecht, 1925, S. 21.

¹⁴ Там же, с. 172.

¹⁵ Neumann G. *Kyprisch to-i-po-wa-ta-u*. — KZ, 1969, Bd. 83, H. 1, S. 181—182.

¹⁶ Schmitt R. *Altpers. *Rtaxaya-* und die sogenannten zweistämmigen Koseformen. — BzN, 1972, Bd. 7, H. 1, S. 573—576.

прусса под 1410–1411 гг. называли и Peter Dawke и Peter Dawkant¹⁷, т. е. в данном случае -k(e) происходит из -kant (*Daug-kant). Нельзя ли по аналогии к чередованию форм Dawke : Dawkant восстановить и соотношение Burke : *Burkant?

Двухосновный антропоним Bur-kant- известен среди восточнобалтийских именных композит. Напр., фамилия Burkantas распространена на территории быв. Клайпедского края (Клайпеда, Шилуте, Пагегяй)¹⁸ Литвы, а также была отмечена в примыкавших к этому краю поселениях литовских рыбаков в быв. Восточной Пруссии (ныне Калининградская обл. РСФСР)¹⁹. Древнейшие свидетельства употребления этого имени относятся, видимо, к области Курземе: Borkandt Gytkandt (1541) и Gribbeke Burkunde (1582–1585 гг.) – по мнению В. Кипарского, здесь возможна связь с лит. Burkantas²⁰.

В антропонимике ятвягов уже обсуждался вопрос об употреблении основы Kant- (Cantegerde и Kantigirde под 1280 и 1285 гг.)²¹. Вот почему, исходя из порознь зафиксированных именных компонентов Bur- и Kant-, следует предположить, что существовало и их сочетание: Burkant-. В пользу такой реконструкции свидетельствует, с одной стороны, наличие антропонима Burke, возникшего, видимо, таким же образом, как имя Dawke из Dawkant, а с другой – фиксация реально засвидетельствованной фамилии (прежде – имени) Burkantas в том регионе восточных балтов, который обнаруживает особо тесные связи с прусско-ятвяжским языковым миром.

2. Dirkote (Dirkoth). В одном из орденских документов 1312 г. названный антропоним замыкает ряд ятвяжских имен: „... den nochgeschreiben Sudowen Abdangen, Zohe (Sohe), Melins, Molodins (Molodine), Dirkote (Dirkoth) und egen brudern...“, причем в скобках здесь приведены те варианты форм, которые встречаются в немецких переводах оригинала, составленного, по-видимому, на латинском языке²².

2.1. В словообразовательном отношении ближайшей параллелью к ятвяжск. Dirkote является Dirke, имя родовитого прусса из Самбии (1299 г.), на что указал еще Г. Геруллис, впервые введший этот ятвяжский антропоним (в форме Dirkot) в науку²³. Кстати сказать, точно так же – Dirkot – воспроиз-

¹⁷ Trautmann R. Указ. соч., с. 185.

¹⁸ Антропонимическая картотека Института литовского языка и литературы АН Лит ССР (Вильнюс).

¹⁹ Gerullis J., Stangas Chr. Lietuvių žvejų tarmė Prūsiose. – Kaunas, 1933, p. 97.

²⁰ Kiparsky V. Указ. соч., с. 372.

²¹ Топоров В. Н. Прусский язык. Словарь. I–K. – М., 1980, с. 210.

²² Preußisches Urkundenbuch. II (1). – Königsberg Pr., 1932, S. 53 (№ 85).

²³ Gerullis G. Zur Sprache der Sudauer = Jatwinger. – Festschrift Adalbert Bezzenberger zum 14. April 1921... – Göttingen – Vandenhoeck – Ruprecht, 1921, S. 47.

водил это имя и Р. Траутман²⁴; хотя и со ссылкой на те же самые архивные источники, издание прусских документов (1932 г.) представило интересующий нас антропоним как *Dirkote* (см. выше).

Исходная для *Dirkote* форма *Dirke* совпадает с отмеченным еще под 984 г. немецким антропонимом *Dirk* как краткой формой двухосновного христианского имени *Theodoricus*²⁵, среди носителей которого известны были также и пруссы: *Theodorico* (1348 г.) и в сокращенном варианте — *Diterich* (1349 г.)²⁶. Таким образом, казалось бы, ничто не препятствует выводу о том, что в прусской антропонимии нашли свое отражение как полная (*Theodorico*), так и краткие (*Diterich*, *Dirke*) формы одного и того же немецкого имени христианского происхождения.

Однако сказанное бесспорно лишь в отношении первых двух образований — *Theodorico* и *Diterich*. Что же касается третьей формы, *Dirke*, то она не так однозначна, как это представляется на первый взгляд. Как и в случае с рассмотренным выше ятвяжским антропонимом *Burke*, здесь необходимо обратиться к собственно балтийской проблематике, проблематике не столько данного прусского имени, сколько той реконструируемой исходной формы **Dirk-*, которая в ятвяжском антропониме оказалась расширенной с помощью суффикса *-ot(e)*.

2.2. Со времени опубликования ятвяжского антропонима *Dirkote* (*Dirkoth*) подход к его анализу оставался неизменным: исследователи останавливали свое внимание только на суффиксации. Так, вслед за Г. Геруллсом, который для объяснения словообразовательной структуры имени *Borutъ* (Бороуть) ссылался на суффиксальную часть антропонима *Dirkot*²⁷, такую же позицию — возможность двоякой реконструкции исходной формы — *Dirkōtas* или *Dirku-tis* — занял и К. Буга²⁸, к которому уже в наши дни присоединился В. Н. Топоров²⁹.

Если поставить вопрос о том, какую роль в прусской антропонимии играет каждый из тех двух суффиксов, к которым возводят (*Dirk*)*ot(e)*, то окажется, что оба они — независимо от реконструируемого прототипа: *-ōt-* или *-ut-* (К. Буга) либо *-āt-* или *-ut-* (Р. Траутман) — „образуют самые обычные краткие имена“³⁰. Подчеркиваем: краткие имена. Следовательно, уже со стороны

²⁴ Trautmann R. Указ. соч., с. 25.

²⁵ Bahlow H. Deutsches Namenlexikon. Familien- und Vornamen nach Ursprung und Sinn erklärt. — München, 1967, S. 94.

²⁶ Preußisches Urkundenbuch. — Marburg, 1960, Bd. 4, S. 289, 393.

²⁷ Gerullis G. Указ. соч., с. 47.

²⁸ Būga K. Lietuvių kalbos žodynas. — Rinktiniai raštai. V., 1961, t. 3, p. 137.

²⁹ Топоров В. Н. Прусский язык. Словарь. А—Д. — М., 1975, с. 349.

³⁰ Trautmann R. Указ. соч., с. 125.

суффиксальной части ятвяжского антропонима поступает некоторая предварительная характеристика всего именного образования в целом.

2.3. Уже в конце прошлого века в литовском языкознании был отмечен антропоним *Durmont* (как пример двучленного образования), а в опубликованной в 1911 г. работе о литовских личных именах К. Буга, помимо *Dir-mantas*, привел еще две композиты с этой основой: *Dir-gėla(s)* и *Dir-gint-* (*Jakub Dirgintowicz* под 1528 г., Жемайтия)³¹. В связи с последним антропонимом ср. также топонимы *Диргинте* (*Диргинты*), *Диргинтишки* (*Дыргинтьшки*) в бывшей Крожанской вол.³² Вторые компоненты данных образований (*gėl-, gint-, mant-*) распространены не только в литовской, но и в прусской антропонимии, и потому нет никаких затруднений, чтобы — идя от известного к менее известному — четко выделить и первую основу — *Dir-*.

Вместе с тем, в случаях, когда в именах вычленяется только основа *Dir-*, с одной стороны, и тот или иной суффикс — с другой, рассматриваемый компонент уже не выступает в чистом виде.

2.3.1. Основа *Dir-*, осложненная перед суффиксом тем или иным консонантным элементом, выступает не только в изучаемом ятвяжском антропониме, но и в таких именах, как прусск. *Dirgeiko* и *Dirgethe*³³, а также лит. *Dirmeitis* (1528 г., Жемайтия)³⁴.

Литовский антропоним *Dirmeitis* заслуживает пристального внимания ввиду особой ситуации, в которой он однажды зафиксирован. Так, если в тексте документа управителей жемайтских имений *Картена* и *Мишучяй* (1808 г.) один из жителей „*wsi Petrykajc*“ (ныне *Пятрикайчяй* *Кретингского* р-на Литовской ССР) упомянут как *Maciej Durmejtis* (*Дурмејса*, *Дурмејтия* — дважды)³⁵, то в случае, когда носитель этого антропонима в том же году ставит свою подпись под прошением крестьян тех же имений, имя подписавшего уже звучит как *Maciej Durmentowicz*³⁶. По-видимому, в один ряд с приведенной выше композитой *Dir-mantas* можно поставить и двухосновную форму *Dur-mentowicz*, на фоне которой отчетливо виден сокращенный характер антропонима *Dur-m-ejtis*: от второй основы *-ment-* (скорее всего < *mant-*) в краткой форме двухосновного имени представлен только анлаут *-m-*.

³¹ *Būga K. Apie lietuvių asmens vardus. — Rinktiniai raštai. V., 1958, t. I, p. 249, 204.*

³² *Спрогис И. Я. Географический словарь древней Жомойтской земли XVI столетия, составленный по 40 актовым книгам Россиенского земского суда. — Вильна, 1888, с. 96 и 107.*

³³ *Trautmann R. Указ. соч., с. 25.*

³⁴ *Būga K. Apie lietuvių asmens vardus..., p. 239.*

³⁵ *Тяжбы литовских крестьян и жителей местечек с управителями имений. Сб. документов. — Вильнюс, 1968, ч. 3, с. 134.*

³⁶ *Там же, с. 137.*

Редкостный пример параллельного употребления полной (Dyg-ment-owicz) и краткой (Dyg-m-ejtis) форм двухосновного антропонима позволяет предполагать, что и ранее названные имена: прусские Dir-g-eiko, Dir-g(g)-et(h)e, с одной стороны, и литовские – Dir-gėla(s), Dir-gint-owicz – с другой, также можно считать вариантами (краткими и полными) одних и тех же композит. Следовательно, элемент -g- в этих формах представляет собой анлаут второй части именного образования – -gėla(s) (<gail-) или -gint- (либо других именных основ с таким же консонантным началом). Однако в отличие от первой пары антропонимов (с Dyg-m-), относящейся не только к одному языку, но даже к одному и тому же его носителю, в примере с Dir-g- имеем дело с более типичной ситуацией: факты литовского языка помогают понять реликты прусского – полные формы двухосновных антропонимов – их краткие варианты, так что целостная картина возникает только как результат объединения разобщенного.

Анализ приведенных выше примеров, в которых антропонимическая основа Dir- была осложнена консонантными элементами (-g-, -m-), – это выражение не только практического подхода к вопросу о (Dir)k(ote), когда от двух вариантов расширения именного компонента Dir- приступаем к рассмотрению еще одного, уже третьего, но одновременно и попытка применить уже существующие теоретические положения к конкретному языковому материалу.

2.4. Выше уже шла речь о двух прусских антропонимических формах – Peter Dawkant и Peter Dawke, носителем которых было одно и то же лицо (см. 1.3). Для сравнения в качестве третьего варианта Р. Траутман указал еще на один антропоним – Peter Dawkoth³⁷. Структурная параллель Dawkant=Dawke (1410–1411 гг.), с одной стороны, и Dawkoth (1419 г.) – с другой, является чрезвычайно важной для понимания характера анлаута -k- в антропониме Dir-kote, а, следовательно, и для интерпретации всей формы в целом. В самом деле, последовательность – [*Daug-kant >] Daw-kant > Daw-k-e > Daw-k-oth, видимо, и представляет собой тот словообразовательный ряд, по аналогии к которому следует восстанавливать деривационную „предысторию“ ятвяжского имени: Dir-k-ote < *Dir-k-e...

2.4.1. Какой антропонимический компонент стоит за анлаутом -k-? Нельзя исключить вероятности того, что -k- < kant-, т. е. что исходная полная форма двухосновного антропонима представляла собой композиту *Dirkant- подобно *Burkant- (см. выше). Однако, как и в предыдущем случае, следует ориентироваться прежде всего на реально засвидетельствованные композиты. Так, в современной топонимии Литвы известна форма Dirkintai – село

³⁷ Trautmann R. Указ. соч., с. 185, 23.

Шилальского р-на³⁸, название которого представляет собой форму множественного числа от антропонима *Dirkintas*.

Правда, необходимо оговорить, что в 30-е годы это название передавалось не только как *Dirkintai*, но и *Derkintai*, в 1892 г. — *Деркинты*, в 1854 г. — *Derkinty*³⁹. Ср., с одной стороны, ойконим *Derkinčiai* (с. Скуодасского р-на), а с другой — лежащую в его основе фамилию *Derkintis*, распространенную в четырехугольнике Тельшяй — Жаренай — Плунге — Седа. Однако не исключено, что эти формы восходят к первоначальному *Dir-*, поскольку в жемайтских говорах, в пределах которых они локализируются, известен переход $i > e$ ⁴⁰.

Таким образом, можно предполагать, что тем двухосновным ятвяжским антропонимом, от которого через промежуточную форму *Dirke* с помощью суффикса *-ot-* образовалось реально засвидетельствованное в памятниках ятвяжское имя *Dirkote*, был **Dirkint-*. Ср. именно в этой позиции выступает *kint-* и в наиболее часто упоминаемом в Галицко-Волынской летописи ятвяжском имени *Стѣ(у)кинтѣ*. Кроме того, и в материалах Р. Траутмана этот компонент встречается исключительно как второй член сложных прусских имен⁴¹.

3. Рассмотренные краткие имена *Burke* и *Dirkote* не являются единственными в антропонимии ятвягов. Еще Г. Геруллис предполагал, что личное название *Galms* содержит в сокращенном виде основу *min-* или *mant-*⁴². Этой же точки зрения придерживался и Р. Траутман, говоря о прусск. *Galme*⁴³. Кроме того, в реально засвидетельствованных вариантах имени одного и того же прусса *Wiltaute* и *Wiltote*⁴⁴ следует видеть возможное объяснение ятвяжского антропонима *Wilto*: „*Wilto der edle Sudau mit 5 tausent man...*“⁴⁵. Все это говорит о том, что изучение кратких форм двухосновных имен (типа первая основа + анлаут второй), а также попытки реконструкции полных антропонимических композит как в существующих, так и во вновь найденных ономастических реликтах ятвягов должны быть продолжены.

³⁸ Lietuvos TSR administracinio teritorinio suskirstymo žinynas. — V., 1976, d. 2, p. 62.

³⁹ Здесь и ниже использованы материалы ономастических картотек Института литовского языка и литературы АН ЛитССР (Вильнюс).

⁴⁰ Zinkevičius Z. Lietuvių dialektologija. Lyginamoji tarmių fonetika ir morfologija. — V., 1966, p. 64.

⁴¹ Trautmann R. Указ. соч., с. 142.

⁴² Gerullis G. Указ. соч., с. 47.

⁴³ Trautmann R. Указ. соч., с. 186.

⁴⁴ Там же, с. 185.

⁴⁵ Grunau S. Preussische Chronik. B. I. — Leipzig, 1875, S. 266.